

ЛЕКСИЧЕСКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Н. АБГАРЯН

Г.В. Костина

Аннотация. Данная статья посвящена анализу лексическо-фразеологических средств выражения эмотивности в художественных текстах на примере произведений современной писательницы Н. Абгарян. Выбор автора обоснован новизной и малой исследованностью материала, а также особенностью художественного стиля Н. Абгарян. Источником исследования послужил сборник «Зулали», повествующий о жизни в Армении и армянском быте. Теоретической базой исследования послужили работы В.И. Шаховского, Л.Г. Бабенко, Г.Н. Ленько, В.Н. Телия и других исследователей в области эмотиологии, лексикологии и фразеологии. Цель исследования заключается в выявлении доминирующих лексико-фразеологических средств, с помощью которых автор передает то или иное состояние героя либо выражает оценку. В результате исследования нами было выявлено, что в сборнике Н. Абгарян «Зулали» для передачи чувств героев и для создания определенного эмоционального фона автор употребляет такие изобразительные средства, как синонимы, антонимы, междометия, заимствования. Наибольшее распространение в повестях Н. Абгарян получают синонимы, антонимы и фразеологические единицы, способствующие передаче различных смысловых оттенков, выражающие оценку и отношение героев и автора к изображаемому, усиливающие экспрессивность и эмоциональность высказывания.

Ключевые слова: Абгарян, лексические средства, эмотивная лексика, категория эмотивности, оценочность, синонимы, антонимы, фразеологизм, фразеологическое сочетание.

Для цитирования: Костина Г.В. Лексическо-фразеологические средства выражения эмотивности в художественных текстах Н. Абгарян // Преподаватель XXI век. 2025. № 3. Часть 2. С. 420–431. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-3-420-431

© Костина Г.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL MEANS OF EXPRESSING EMOTIVITY IN LITERARY TEXTS BY N. ABGARYAN

G.V. Kostina

Abstract. *This article is devoted to the analysis of lexical and phraseological means of expressing emotivity in literary texts using the example of the works of the modern writer N. Abgaryan. The author's choice is justified by the novelty and little research of the material, as well as the peculiarity of N. Abgaryan's artistic style. The source of the research was the collection "Zulali", which tells about life in Armenia and the Armenian daily routine. The theoretical basis of the research was the work of V.I. Shakhovskiy, L.G. Babenko, G. N. Lenko, V.N. Telia and other researchers in the field of emotiology, lexicology and phraseology. The purpose of the study is to identify the dominant lexical and phraseological means by which the author conveys a particular state of the hero or expresses a judgement. As a result of our research, we found that in N. Abgaryan's collection "Zulali", in order to convey the feelings of the characters and to create a certain emotional background, the author uses such language means as synonyms, antonyms, interjections, borrowings. The most widespread synonyms, antonyms and phraseological units in N. Abgaryan's novels are those contributing to the transmission of various semantic shades, expressing the assessment and attitude of the characters and the author to the depicted, enhancing the expressiveness and emotionality of the utterance.*

Keywords: *Abgaryan, lexical means, emotive vocabulary, category of emotivity, evaluativity, synonyms, antonyms, phraseology, phraseological combination.*

Cite as: Kostina G.V. Lexical and Phraseological Means of Expressing Emotivity in Literary Texts by N. Abgaryan. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2025, No. 3, part 2, pp. 420–431. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-3-420-431

421

В центре исследования — категория эмотивности и лексико-фразеологические средства ее передачи в художественных текстах. Актуальность темы продиктована тем, что в современной науке особое внимание уделяется проблеме эмоций и способам их отражения с помощью различных средств языка. В центре внимания многих исследователей — человек чувствующий. В связи с этим изучение эмоций становится одной из ключевых проблем во многих научных областях. Лингвисты видят необходимость в том, чтобы вывести терминологический аппарат, рассматривающий эмоции, из сферы психологии и физиологии: «Необходимо четко разграничивать два подхода к определению категории эмоциональности: психологический и лингвистический, то есть понимание эмоциональности как свойства субъекта или как свойства языкового знака» [1, с. 13–14]. В результате данного разграничения в лингвистических трудах современных исследователей под эмоциональностью стало пониматься физиолого-психологическое состояние человека, а под эмотивностью — языковое выражение эмоциональности: «эмоциональность и эмотивность не являются равноценными понятиями. Под эмоциональностью мы понимаем психическое свойство человека испытывать эмоции и эмоционально реагировать на окружающие события, а под эмотивностью — языковое выражение эмоциональности при помощи различных средств языка» [2, с. 86].

Одним из первых, кто предложил разграничить данные понятия, был В. И. Шаховский, ставший основоположником научной школы эмотивной лингвистики. В своих работах исследователь рассматривает проблемы эмотивной лингвистики, в частности текстолингвистику эмоций, лингвокультурологию эмоций и др. Идеи, высказанные В.И. Шаховским, послужили основой для зарождения эмоциологии (эмотиологии). Лингвистическая категория эмотивности определяется В.И. Шаховским как «имманентное свойство языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека через особые единицы языка и речи — эмотивы» [3, с. 5].

Данная статья посвящена анализу лексических средств выражения эмотивности в художественных текстах современной писательницы Н. Абгарян. Выбор автора обоснован новизной и малой исследованностью материала, а также особенностью художественного стиля Н. Абгарян. Будучи армянкой по происхождению, автор мастерски использует средства русского языка, передавая национальный колорит, особенности быта, ощущение мира, чувственности простого армянского человека. Как отмечает Л.С. Меликсетян, переведенные тексты Н. Абгарян на армянский язык в большинстве своем теряют те особенности, которые мы наблюдаем в русскоязычном тексте: «Дело в том, что в своих произведениях она часто использует варваризмы и кальки с армянских поговорок, фразеологизмов и т.д., что явно нарушает каноны русского литературного языка, но одновременно придает своеобразие и национальный колорит тексту, создает, в том числе, юмористический эффект. При переводе же на армянский язык то, что было смешным и нелепым на русском, становится обыденным и несмешным» [4, с. 100]. Новизна исследования заключается в том, чтобы проанализировать, каким образом возможно передать армянский менталитет, чувства, присущие не просто каждому человеку, но и, в частности, армянину с помощью средств русского языка. Исследуется специфика речи героев, пристальное внимание уделяется лексико-фразеологическим средствам, помогающим создать определенный эмоциональный фон.

В ходе исследования был применен общенаучный метод анализа и обобщения теоретической базы в области исследования лингвистики эмоций и категории эмотивности. В рамках лингвистических методов нами был использован описательный метод, позволяющий собрать эмпирический материал для исследования, а также типологический метод, с помощью которого была дана классификация средств выражения эмотивности на различных языковых уровнях. В процессе анализа художественного текста был применен метод лингвистического комментирования и лингвостилистический анализ текста.

Для того чтобы выразить свои или чужие эмоции, человек использует специальные языковые средства, которые функционируют на всех уровнях языка: фонетическом, графическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом. По мнению Л.Г. Бабенко, основная роль в выражении эмоций принадлежит лексике [5, с. 12].

Эмотивная лексика традиционно изучается с учетом таких категорий, как оценочность, экспрессивность, образность, причем связи ее с оценкой оказываются более тесными. На тесную связь эмотивности и оценочности указывает и В.И. Шаховский, говоря о том, что связь эмотивности и оценочности в слове обусловлена тем, что эмоция и оценка параллельно участвуют в актах отражения чувств и их познания. В эмотиве присутствует оценивающее отношение субъекта к отражаемым объектам [6, с. 104].

Традиция научного описания выделяет два различных класса эмотивной лексики. К первому классу относится лексика эмоций, которая включает слова, представляющие собой понятия об эмоциях (например, страх). Второй класс составляет эмоциональная лексика, к которой относятся эмоционально окрашенные слова. Она служит для выражения эмоций говорящего [5, с. 12]. Основой эмотивной лексики служит категория эмотивности. «На языковом уровне эмоции трансформируются в эмотивность, эмоции — психологическая категория, эмотивность — языковая» [6, с. 13]. Л.Г. Бабенко утверждает, что категория эмотивности объединяет семантически близкие языковые единицы разных уровней, в том числе и лексику [5, с. 15].

Понятие категории эмотивности непосредственно связано с эмотивным значением слова. По мнению В.И. Шаховского, принцип отнесения того или иного слова к эмотивному базируется на функциональном, внешнем признаке. Если слово выражает или может выражать ту или иную эмоцию, то оно эмотивно. Эмотив еще и вызывает эмоции, то есть у него есть две стороны: сторона говорящего (выражение эмоций) и сторона воспринимающего (вызывание эмоций). Стивенсон и Бриттон способность слова вызывать эмоцию называют эмотивным значением, а само слово — эмотивным. В.И. Шаховский не совсем соглашается с этим определением, говоря о том, что в речи практически любое слово за счет ситуативных, синтаксических факторов может вызывать эмоции. Это совсем не значит, что оно достигает этого своим эмотивным значением [6, с. 61]. Эмотивное значение зависит от многих факторов: от ассоциаций, от личных отношений говорящего и слушающего и т.д. Отсюда следует, что эмотивное значение не может быть словарно зафиксировано. Одной и той же фразой или словом можно выразить различные оттенки одной и той же эмоции и даже противоположные эмоции. Ярким примером служит употребление бранной лексики в ласкательных целях.

В.И. Шаховский дает следующую типологию эмоций, которые распределяются между различными группами лексики:

1. Лексика, называющая, обозначающая эмоции (т.е. дающая им имя).
2. Лексика, описывающая эмоции.
3. Лексика, выражающая эмоции.

Эмоция может быть и формой отражения, и предметом отражения. Когда она отражает предмет (*любовь, ненависть, отвращение* и т.д.), то слово, ее называющее, не является эмотивом, так как не выражает эмоцию, а служит только обозначением понятия об определенной эмоции. Вышеприведенные примеры являются названиями понятий об эмоциях. Слова же *дорогой, сокрушительный, умопомрачительный, свинья, болван* и т.д. выражают эмоции, которые этими словами не называются прямо. В их семантике есть спецификаторы, которые соотносят данное слово с определенной эмоцией. Эмотив своей семантикой выражает эмоциональное состояние внутреннего «я».

Эмоция — это не только одна из форм отражения действительности, она сама является для языка объектом отражения и потому реализуется в языке: *радость, унижение, уныние, страх, раздражение, паника, нервозность, горе, симпатия* и т.д. В языке такие наименования эмоций считаются уже метаэмоциями. А если слово только обозначает эмоцию, то оно не эмотивно [6, с. 94]. Лексику, называющую эмоции, В.И. Шаховский определяет как ассоциативно-эмотивную. Она сама по себе не выражает эмоций, а с помощью ассоциаций переносит сознание говорящих в сферу эмоций.

В.И. Шаховский дает классификацию эмотивов с точки зрения типа эмотивной семантики. Все эмотивы делятся на аффективы, которые заключают в себе эмотивное значение, и коннотативы, в которых эмотивная семантика имеет статус коннотации (семантическая ассоциация: например, слово *лиса* соотносится со словами *хитрость*, *коварство*). К аффективам относятся междометия, междометные слова, бранная, нецензурная лексика. Коннотативами являются словообразовательные дериваты (мотивированное, производное слово), образованные с помощью аффиксов, содержащих эмотивно-субъективную оценку. Также к их числу относится зоолексика, мифолексика (например, *бегемот* — о человеке), эмоционально окрашенная лексика разговорного характера и т.д. Также В.И. Шаховский выделяет лексику, которая занимает промежуточное положение между аффективами и коннотативами. Данная лексика не эмотивна, если она используется в своем микросоциуме. Но, как часть словарного состава национального языка, она обладает эмотивностью. К этой лексике относятся жаргонизмы, сленгизмы, арготизмы, вульгаризмы и т.д.

К средствам передачи эмотивности относятся также синонимы, антонимы, фразеологизмы, стилистически окрашенная лексика, заимствования, междометия (см. Ю.Н. Эбзеева, Г.Н. Ленько). Л.Г. Бабенко также выделяет различные виды тропов (сравнительные обороты, метафоры, олицетворения) как средства выражения эмотивности.

В данной статье особое внимание уделяется таким средствам, как синонимы, антонимы, устойчивые выражения или фразеологические обороты. Материалом исследования послужил сборник современной писательницы армянского происхождения Н. Абгарян «Зулали».

В лингвистике существует большое количество исследований, посвященных явлению синонимии. Языковеды приходят к общему выводу, что синонимы — это слова с близкими, но разнородными значениями. При определении синонимии указывается на наличие общего значения и близких к нему значений. Также отмечается, что синонимы имеют «общее ядро значения», обладая при этом разнообразными семантическими расхождениями [8, с. 45–46]. Явление синонимии как средства передачи эмотивности разрабатывалось в трудах Ю.С. Степанова, Г.Н. Ленько, Л.Н. Новикова и др. Ю.С. Степанов акцентирует внимание на семантических и прагматических аспектах языка. Л.А. Новиков отмечает возможность синонимов выражать одно и то же мыслительно-языковое содержание языковыми средствами, указывая на антропоцентрический аспект синонимии. Академик В.В. Виноградов определяет синонимы как «разные слова, но тождественные по своему значению» [11, с. 5–6]. Лингвисту также принадлежит общепризнанная классификация синонимов. В.В. Виноградов делит синонимы на абсолютные, стилистические и идеографические. Абсолютные синонимы полностью совпадают по значению и обладают таким свойством, как взаимозаменяемость в контекстах. Особое место в синонимической системе русского языка занимают так называемые стилистические синонимы. Они способны придавать тексту эмоциональную окраску, содержат в своей семантике оценочность. С точки зрения эмотивности стилистические синонимы являются наиболее значимыми. Именно они формируют у читателя определенное отношение к высказыванию, задуманное автором. Например, в повести «Зулали» автор употребляет слово *сдох*, имеющее низкую стилистическую окраску и содержащее оценку, вместо нейтрального *умер*, тем самым выражая чувство гнева, ненависти героини к сапожнику. Разговорную стилистическую окраску имеет и слово *хорохориться*, которое употребляется в тексте

вместо слова *храбриться*. С помощью данной лексики с наибольшей точностью передается чувство героя: его ворчанье не злое, оно наполнено добротой. Иногда автор соединяет два синонимичных слова, образуя одно, тем самым усиливая изображаемое чувство: «Больно так, что хочется немедленно, прямо сейчас, *раствориться-исчезнуть*» [12, с. 39]. Чувство боли у героя настолько сильно, что единственным выходом может стать исчезновение, то есть смерть. Далее мотив смерти продолжается. Обретение смерти для героини равносильно обретению чувства свободы: «Если бы можно было умереть, я так и сделала бы, о, это непреложное чувство свободы, когда солнце не знает больше тревоги, и рассеялось все, что мучило и не давало дышать...» [Там же]. *Смерть* и *свобода* в данном случае образуют единый контекстуальный синонимичный ряд.

Не менее важным лексическим средством, способствующим передаче эмоций в художественном тексте, являются антонимы. Способность антонимов передавать те или иные эмоции отмечалась рядом исследователей в области психолингвистики и семантики. Одним из них является А. Вежибицкая, которая в своих работах по концептуальной метафоре и культурной семантике затрагивает вопросы эмоциональной зарядки слов, уделяя внимание антонимам. Они могут служить мощным средством передачи эмотивности в языке. Использование антонимов позволяет выделить контрасты, что усиливает эмоциональную нагрузку, помогает вызвать у читателя сильные чувства. Контрастность антонимии помогает подчеркнуть противоположные состояния или качества персонажей. Как средства передачи эмотивности, антонимы также способствуют выражению внутреннего конфликта, они могут отражать эмоциональные противоречия персонажа. Немаловажной является способность антонимов добавлять элемент напряжения в повествование (например, *жизнь и смерть* в контексте борьбы или конфликта может сделать всю ситуацию более драматичной). В повести «Зулали» антонимы помогают раскрыть противоречивый образ героини, отразить контрастность как ее внешнего, так и внутреннего состояния: внешнее спокойствие и улыбка сочетаются с внутренним плачем и скорбью. На протяжении всей повести наблюдаем противопоставление *плакать* — *улыбаться*, которое показывает внутренний конфликт героини. Улыбка героини лишь физическое проявление, в душе она испытывает невыносимую боль: «Зулали улыбалась, меня это раздражало, я тогда еще не знал, что улыбается она не от радости, а от испуга и горя. Мне хотелось, чтобы она перестала это делать, потому я крикнул ей в лицо: “Зулали, дед умер. Твой папа умер”. Она дернулась, словно от удара... Она заплакала сквозь улыбку, сидела, уронив на колени руки, улыбалась и плакала...» [12, с. 17]. Далее опять встречаем данное противопоставление чувств: «Я плакал, Зулали улыбалась» [Там же, с. 10]. Не только Зулали страдает от случившегося горя. Ее болезнь служит напоминанием и не дает забыть страшную трагедию: «Я помню ее другой, а теперь она такая, когда молчит — словно святая, когда говорит — хочется заткнуть уши и кричать, лишь бы не слышать этого беспомощного неопределенного лопотания» [Там же, с. 30]. Молчание героини вселяет в окружающих чувство спокойствия, а лишь заговорит — опять пробуждается чувство боли и скорби. Антонимичная пара *спокойный* — *тревожный* также свидетельствует о противоречивости внешнего и внутреннего состояния героини: «...стороннему человеку могло показаться, что она расстроена, на самом деле это не так, чем спокойней ее взгляд, тем тревожней у нее на душе» [Там же]. Внешнее спокойствие — внутреннее чувство тревоги. Описание внешности Зулали также построено на контрастности антонимов: красота — уродство, молчание — разговор: «У Зулали такое красивое лицо, что можно смотреть бесконечно.

Жаль, что эта красота исчезает ровно в тот миг, когда она открывает рот. Говорит она плохо, неряшливо, закатывая глаза и дергаясь лицом...» [Там же]. Герои повести обретают чувство смирения, так как понимают безысходность своего горя: «Сначала я роптала, теперь смирилась. Смысл роптать, когда ничего не изменишь» [Там же, с. 36].

В повести «Люди нашего двора» одним из ключевых противопоставлений становятся антонимы *вдох* — *выдох*. В них заключено волнение героини, вспоминающей всё и всех, что связывает ее с предками и родными местами: «Портрет бабушки в почерневшей деревянной рамке, дом детства, могилы предков на старом кладбище, рыжая дорога, берущая начало в твоём сердце. На ней следы тех, кто ушел. Вдох-выдох. Вдох-выдох» [Там же, с. 341].

Антонимичная пара *бытие* — *небытие* позволяет ощутить возврат человека в исходную позицию, непреложный переход от жизни к смерти: «У времени ход только вперед, но в самом деле не так, ход у времени всегда к началу начал, туда, где, окончившись, бытие обращается в небытие...» [Там же, с. 331]. Таким образом, автор, употребляя антонимические противопоставления, создает контрастность повествования, антонимы дают возможность показать противоречивость внутреннего мира героев, их чувств и переживаний.

Одним из самых распространенных средств выражения эмотивности на лексическом уровне являются фразеологические обороты, так как они способны не только ярко и метко передавать эмоциональное состояние героев, но и выражать оценку автора или персонажа.

В.Н. Телия выделяет три параметра, на основе которых те или иные сочетания слов можно отнести к фразеологизмам: «принадлежность к номинативному инвентарю языка, признак полной или частичной идиоматичности, а также свойство устойчивости, проявляющееся в абсолютной или относительной воспроизводимости сочетаний слов в “готовом виде”» [14, с. 56]. Исследователь выделяет шесть классов фразеологизмов: идиомы, которые включают в себя «ядро фразеологического состава»; фразеологические сочетания; паремии (пословицы и поговорки); речевые штампы; клише; крылатые выражения. В основе данной классификации лежат два признака: несколькословность и воспроизводимость.

В семантической структуре фразеологизмов Н.А. Хомякова выделяет денотативный компонент, грамматический компонент, оценочный компонент, мотивационный компонент, эмотивный компонент и стилистический. Эмотивный компонент включает в себя ту информацию, которая соотносится с «чувством-отношением субъекта к обозначаемому». Эмотивность проявляет свое действие на шкале «одобрение — неодобрение» [15, с. 42–43]. Согласно утверждению Н.А. Хомяковой, эмотивный компонент заложен во внутренней форме фразеологизма [Там же, с. 4].

Как средства передачи эмотивности, фразеологизмы способны воспроизвести культурную идентичность, отразить культурные и исторические особенности народа, что используется для создания определенного настроения и эмоциональной связи с аудиторией. Как отмечалось выше, уникальность текстов Н. Абгарян заключается именно в использовании калек с армянских пословиц и фразеологизмов, придающих тексту национальный колорит.

В результате анализа повестей и рассказов «Зулали», «Люди нашего двора», «Салон красоты “Пери”», «В краю победивших старушек», «Бегония», «Взрослое и не очень»

нами было выявлено, что именно устойчивые выражения часто употребляются для передачи того или иного состояния героя, оценки автора, культурных особенностей изображаемого мира. В текстах Н. Абгарян преобладают фразеологические сочетания, второе место по численности принадлежит идиомам. Также встречаются заимствованные фразеологизмы из Библии (*нести свой крест, умыть руки*). Спектр эмоций, передаваемый с помощью фразеологизмов, широк — чувство горя, неизбежности, любви, привязанности, отчаяния, боли, одиночества. Герои повести «Зулали» — простые люди, живущие в ущелье. Они пережили и продолжают переживать страшное горе, случившееся в их семье: смерть жены и матери, двух малолетних сыновей и безумие старшей дочери, которая осталась в живых. Иногда эмотивность фразеологизма проявляется за счет контекстуальных компонентов. Согласно классификации лексических значений Ю.П. Солодуба, в основе которой лежит функциональный принцип, все значения делятся на первичные и вторичные. Они выполняют функцию номинации или коннотации. В некоторых фразеологических единицах эмотивный компонент проявляется за счет коннотативного значения. Например, «...аж **до чесотки в лопатках** подмывало спросить...» — усиливает чувство нетерпения, любопытства [12, с. 7]. А фразеологизм «**пустила слезу**» [Там же, с. 14] («недолго плакать или создавать видимость плача; притворно плакать» [19, с. 106]) передает притворную, поддельную либо недолгую печаль героини. Данный оборот имеет ироничную, просторечную окраску. В выражении «**я выплакал себе все глаза, то есть совсем выплакал...**» усиливается чувство горя маленького мальчика. Чувство безграничной душевной боли передается выражениями: «кусаю пальцы, чтобы не **разрыдаться в голос, сердце разрывается...**»; «мое **сердце разрывалось от боли** каждый раз, когда я видела, как она тянется к нему, единственному родному человеку...» [12, с. 39]. Чувство неизбежности выражается фразеологизмом: «**у каждого свой крест**, а у меня их два — свой и чужой...». Чувство безнадёжности и, следовательно, отстранения от ответственности выражается в следующем обороте: «покойный, отчаявшись, **умыл руки...**» [Там же, с. 29].

В повести «Люди нашего двора» героиня вспоминает свое прошлое, своих предков, тянется к ним. Ее воспоминания о детстве наполнены любовью, теплотой, привязанностью к близким людям и местам. В таких устойчивых оборотах, как «я бы научила ее делать настоящий мацун и **беречь как зеницу ока** закуску — у каждой хозяйки она своя, **на вес золота**» [Там же, с. 336], выражается трепетное отношение героини ко всему, что связано с ее прошлым, даже к еде. Горе не обходит и героев данной повести: бабушка героини была ранена при нападении на деревню турок. Она осталась жива, но порез на шее навсегда запечатлел это горе: «отец стриг ее, **закусив губу**» («заставить себя сдержаться» [7, с. 198]), то есть с трудом сдерживая чувство боли и жалости к матери [12, с. 342].

Рассказ «Салон красоты “Пери”» не менее трагичен и наполнен глубокими переживаниями героев: здесь и чувство зависти, и трагической любви, и душевной боли от потери близких людей. Рисуя образ главной героини Назели, автор употребляет фразеологизм *не сводить глаз*, тем самым передавая чувство восхищения красотой героини: «**Дети не сводили с нее глаз** — она была красива той воздушной, нездешней красотой, которой славились горожанки, — хрупкая и изящная, с ювелирно вылепленным профилем...» [Там же, с. 61]. Однако чувство восхищения переплетается у жителей деревни с чувством злой зависти и последовавшей несправедливой травлей героини. Фразеологизм *кривить душой*

употреблен в рассказе дважды: в первом случае он выражает оценку автора, говорит о честности героини: «Мне нет до них дела, — оборвала Назели. И **не покривила душой**» [12, с. 65]. В другом — используется для характеристики героя: «Он всегда был откровенен с ней, ни разу **не покривил душой**...» [Там же, с. 110]. Данный устойчивый оборот представляет собой фразеологическое сочетание: второй компонент может меняться. В словаре А.И. Фёдорова представлен вариант *кривить совестью*. Согласно классификации Ю.П. Солодуба, данный фразеологизм обладает лексически связанным значением: его сочетаемость расширяется до размера тематической группы (*кривить душой, совестью*). Передавая внутренне душевное состояние персонажа, автор употребляет фразеологизм *мрачнее тучи*: «Григор первое время ходил **мрачнее тучи**, потом успокоился и затих...» [Там же, с. 77]. Нарастание внутренней злобы героя, его обезумевшее состояние передается с помощью таких устойчивых выражений, как *что есть мочи, давясь злобой, заскрежетал зубами*: «...потом **что есть мочи** заколотил кулаками, **давясь** душной, не дающей продохнуть **злобой**...»; «он, услышав свое имя, **заскрежетал зубами**, отшвырнул ее протянутую руку, надвинулся на нее...» [Там же, с. 112, 113]. Последний фразеологизм имеет экспрессивную окраску, выражает сильную эмоцию, обозначает «испытывать сильное негодование, ненависть, злобу, выражать это состояние мимикой» [19, с. 160].

В рассказе «В краю победивших старушек» открывается картина незатейливого быта деревенских жителей престарелого возраста, куда отправляется герой, молодой писатель, в поисках вдохновения. Фразеологизм *лишиться дара речи* передает сильное удивление молодого человека при виде в доме гипсового бюста умершего мужа прабабушки Софы: «...заглянув туда, он чуть не **лишился дара речи**...» [12, с. 163]. Все то простое, что окружало писателя в деревне, наполняло его душу теплом, а прабабушка Софа вызывала в нем искренне чувство любви: «Марк каждый раз млел, слушая ее говор, — звонко окаяющий, казалось — нарочито простой, он **западал в самую душу и грел** — незатейливо и безыскусно» [Там же, с. 165].

Чувством одиночества, возникшим после потери близкого человека, проникнуто произведение «Бегония». Бегония — это символ и напоминание старому мужчине о своей погибшей жене. Ее смерть рождает в овдовевшем супруге тоску, одиночество и ощущение бессмысленности дальнейшего существования. В начале произведения эти чувства преобладают и передаются с помощью фразеологических сочетаний: «**на-вевал одно только уныние**»; «**защипало в носу**»; «**отгонять слезу**». После обретения новых друзей внутреннее состояние героя меняется. Фразеологизмы также приобретают положительную семантику: «**смеялся в голос, вытирая слезы умиления**»; «**душа в душу**»; «**не теряли надежды**» [Там же, с. 194–209].

В рассказе «Взрослое и не очень» Н. Абгарян повествует о различных отрывках своей жизни: перед читателем предстает взрослая Нарине и маленькая девочка Нарка. Здесь отмечаем возможность фразеологизмов придавать высказыванию ироничный или саркастичный характер. Глава «Уроки вождения» наполнена самоиронией автора. Читатель смеется вместе с героиней над «трудными отношениями» автоинструктора и начинающей женщины-водителя. Фразеологизмы усиливают смех читателя: «— Какое счастье! У меня получилось! — Погоди радоваться, — **охладил мой пыл** Виктор Петрович» [12, с. 280]; «нужно признаться, что в первые дни я **доводила** Виктора Петровича **до белого каления**»; «Виктор Петрович **отдыхал с ним душой**»; «**доводила до иступления** идиотскими вопросами» [Там же, с. 282]; «**не поминай лихом**» [Там же, с. 284].

Таким образом, с помощью различных возможностей лексики чувственный фон художественного произведения ощущается более ярко и отчетливо. Синонимы уточняют мысль, помогают передать различные смысловые оттенки, выражают оценку и отношение героев и автора к изображаемому, усиливают экспрессию, позволяют глубже раскрывать тот или иной образ. С помощью антонимических пар Н. Абгарян создает противоречивые и неоднозначные образы персонажей, передает контрастность их внутренних чувств и переживаний. Употребление фразеологизмов в художественной литературе как средства передачи эмотивности дает возможность не только более наглядно и образно показать те или иные чувства героев, но и передать оценку автора. В текстах Н. Абгарян получили широкое распространение фразеологические сочетания, идиомы. Благодаря фразеологизмам автору удается передать колорит эпохи, местности, где происходят события. Просторечные фразеологизмы помогают достоверно изобразить жизнь и чувства простых деревенских жителей, читатель как бы окунается в их атмосферу, сопереживает героям, сам становится незримым участником событий. Действия, описанные автором, происходят как в прошлом веке, так и в современном для читателя мире. В зависимости от этого меняются и фразеологические единицы. Передавая современную эпоху, автор склонен к употреблению фразеологизмов, в семантике которых содержится ироничность, насмешка.

В результате анализа произведений Н. Абгарян мы приходим к выводу, что для создания эмоционального фона автор использует антонимы и фразеологизмы чаще, чем синонимы. Это объясняется проблематикой, идейностью текстов и идиостилем автора. В повести «Зулали» важным для автора является отражение противоречивости событий и героев. Образ главной героини двойственен, полон контрастов, поэтому в тексте преобладают антонимичные пары, позволяющие создать резкий контраст, усилить эмоциональную окраску. Также использование слов с противоположным значением может подчеркнуть сложность ситуации, создать противоречивое и напряженное настроение, усилить эмоциональную вовлеченность читателя, что мы и наблюдаем в текстах Н. Абгарян. Преобладание фразеологизмов объясняется идиостилем автора, отражающим армянский характер, быт с помощью средств русского языка. Именно фразеологизмы способны не только усилить образность и эмоциональность высказывания, показать наивысшую степень, интенсивности чувств, но и создать культурные и исторические ассоциации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фомина З.Е. Эмоционально-оценочная лексика современного немецкого языка: автореф. дис. д-ра филол. наук. М., 1996. 66 с.
2. Ленько Г.Н. Анализ категории эмотивности и смежных с нею понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Языкознание и литературоведение. 2015. № 1. С. 84–91.
3. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 414 с.
4. Меликсетян Л.С. Стратегия перевода современных армянских рассказов // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 1 (789). С. 97–104.
5. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд. Урал. Ун-та. 1989. 184 с.
6. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической структуре языка. Изд. стереотип. М.: Либроком, 2019. 206 с.

7. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1952. 336 с.
8. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
9. Абгарян Н.Ю. Зулали. М.: АСТ, 2023. 350 с.
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
11. Хомякова Н.А. Эмотивные фразеологизмы в русском, французском и английском языках: автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 2008. 24 с.
12. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в.: в 2 т. Т. 1. А–Н / под ред. А.И. Фёдорова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 340 с.
13. Эбзеева Ю.Н., Ленько Г.Н. Лексические средства выражения эмотивности (на материале текстов художественных произведений современных английских, французских и немецких авторов) // Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2016. № 1. С. 142–150.
14. Степанов Ю.С. Семиотика. М.: Наука, 1971. 166 с.
15. Новиков Л.А. Синонимия как функция // Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 538–553
16. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Яз. славян. культуры, 2001. 272 с.
17. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. Изд. 2-е, испр. М.: Просвещение, 1972. 368 с.
18. Солодуб Ю.П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования // Филологические науки. 1990. № 6. С. 55–65.
19. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997, 1999, 2001, 2003. 943 с.
20. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в.: в 2 т. Т. 2. О–Я / под ред. А.И. Фёдорова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 274 с.

REFERENCES

1. Fomina Z.E. *Emocionalno-ocenochnaja leksika sovremennogo nemeckogo jazyka* [Emotional and Evaluative Vocabulary of the Modern German Language]: Extended Abstract of PhD Dissertation (Phylology). M., 1996, 66 p. (in Russ.)
2. Lenko G.N. Analiz kategorii emotivnosti i smezhnyh s neju ponjatij [Analysis of the Category of Emotiveness and Related Concepts]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Jazykoznanie i literaturovedenie* = Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Linguistics and Literary Criticism, 2015, No. 1, pp. 84–91. (in Russ.)
3. Shahovskij V.I. *Lingvisticheskaja teorija emocij* [Linguistic Theory of Emotions]. Moscow, Gnozis, 2008, 414 p. (in Russ.)
4. Meliksetjan L.S. Strategija perevoda sovremennyh armjanskikh rasskazov [Strategy for Translating Contemporary Armenian Short Stories]. *Vestnik MGLU* = MSLU Bulletin. Humanities. Gumanitarnye nauki, 2018, issue 1 (789), pp. 97–104. (in Russ.)
5. Babenko L.G. *Leksicheskie sredstva oboznachenija emocij v russkom jazyke* [Lexical Means of Indicating Emotions in the Russian Language]. Sverdlovsk, Izd. Ural. Un-ta. 1989, 184 p. (in Russ.)
6. Shahovskij V.I. *Kategorizacija emocij v leksiko-semanticheskoy strukture jazyka* [Categorization of Emotions in the Lexical and Semantic Structure of Language]. Moscow, Librokom, 2019, 206 p. (in Russ.)

7. Gvozdev A.N. *Očerki po stilistike russkogo jazyka* [Essays on the Stylistics of the Russian Language]. Moscow, Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1952, 336 p. (in Russ.)
8. Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy. Leksikologija i leksikografija* [Selected Works. Lexicology and Lexicography]. Moscow, Nauka, 1977, 312 p. (in Russ.)
9. Abgarjan N.Ju. *Zulali* [Zulali]. Moscow, AST, 2023, 350 p. (in Russ.)
10. Telija V.N. *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokulturologicheskij aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moscow, Shkola "Jazyki russkoj kultury", 1996, 288 p. (in Russ.)
11. Homjakova N.A. *Emotivnye frazeologizmy v russkom, francuzskom i anglijskom jazykah* [Emotive Phraseological Units in Russian, French and English]: Extended Abstract of PhD Dissertation (Phylology). M., 2008, 24 p. (in Russ.)
12. *Frazeologicheskij slovar russkogo literaturnogo jazyka konca XVIII–XX v.: v 2 t. T. 1. A–N* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language of the Late XVIII–XX centuries in 2 vols, vol. 1, A–N], ed. by A.I. Fjodorov. Novosibirsk, Nauka. Sib. otd-nie, 1991, 340 p. (in Russ.)
13. Ebzeeva Ju.N., Lenko G.N. *Leksicheskie sredstva vyrazhenija emotivnosti (na materiale tekstov hudozhestvennyh proizvedenij sovremennyh anglijskih, francuzskih i nemeckih avtorov)* [Lexical Means of Expressing Emotivity (Based on the Texts of Works of Fiction by Modern English, French and German Authors)], *Vestnik RUDN, serija Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavanija* = Bulletin of RUDN. Russian and Foreign Languages and Methods of Their Teaching, 2016, No. 1, pp. 142–150. (in Russ.)
14. Stepanov Ju.S. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, Nauka, 1971, 166 p. (in Russ.)
15. Novikov L.A. *Sinonimija kak funkcija. Izbrannye trudy: v 2 t. T. 2* [Synonymy as a function. Selected works: in 2 vols, vol. 2]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 2001, pp. 538–553. (in Russ.)
16. Vezhbickaja A. *Sopostavlenie kultur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparison of Cultures Through Vocabulary and Pragmatics]. Moscow, Jaz. slavjan. kultury, 2001, 272 p. (in Russ.)
17. Shanskij N.M. *Leksikologija sovremennogo russkogo jazyka* [Lexicology of the Modern Russian Language]. Moscow, Prosveshhenie, 1972, 368 p. (in Russ.)
18. Solodub Ju.P. *Nacionalnaja specifika i universalnye svojstva frazeologii kak objekt lingvisticheskogo issledovanija* [National Specificity and Universal Properties of Phraseology as an Object of Linguistic Research], *Filologicheskie nauki* = Philological Sciences, 1990, No. 6, pp. 55–65. (in Russ.)
19. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. *Tolkovyj slovar russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeol. vyrazhenij* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. Moscow, Azbukovnik, 1997, 1999, 2001, 2003, 943 p. (in Russ.)
20. *Frazeologicheskij slovar russkogo literaturnogo jazyka konca XVIII–XX v.: v 2 t. T. 2. O–Ja* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language of the Late XVIII–XX centuries in 2 vols, vol. 2, O–Ja], ed. by A.I. Fjodorov. Novosibirsk, Nauka. Sib. otd-nie, 1991. 274 p. (in Russ.)

Костина Галина Владимировна, аспирант, Институт филологии, кафедра общего языкознания, Московский педагогический государственный университет, galina.kostina.88@mail.ru

Galina V. Kostina, PhD Post-graduate Student, Institute of Philology, General Linguistics Department, Moscow Pedagogical State University, galina.kostina.88@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.06.2025. Принята к публикации 17.09.2025

The paper was submitted 27.06.2025. Accepted for publication 17.09.2025